

Религиоведение. 2023. № 3. С. 129–138.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2023. No. 3. P. 129–138.

DOI: 10.22250/20728662_2023_3_129

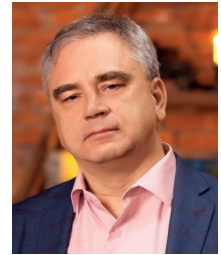
Пишун С.В.¹, Ли Пин²

¹ Дальневосточный федеральный университет; ² Хулуьбуирский университет
¹ 690922, Россия, г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корп. F, уровень 6, F 602; ² 021008, КНР, г. Хайлар, дорога Чингисхана, 83
¹ pishoons@mail.ru; ² najiali@qq.com

Культ аскетизма и апология монашества как ядро философии христианской истории К.Н. Леонтьева

Аннотация. Авторы статьи обосновывают идею о том, что идеал церковности, монашества и старчества был важнейшим во всей философии К.Н. Леонтьева. Не священство в целом, а именно монашеское духовенство составляет неотъемлемый атрибут православия, в отношении же белого духовенства Леонтьев был настроен скептически. Он выступал с предложением для церкви «соборно-патриаршего устройства», т.е. усиления централизации церковных институтов с одновременным внедрением соборных начал. Вся его философия христианской истории построена на возвышении роли аскетической практики и духовного опыта. Особое значение Леонтьев придавал старчеству, суть которого заключалась в духовном наставничестве со стороны истинно верующих и имеющих жизненный опыт монахов.

Ключевые слова: эстетизм, пессимистическое мировоззрение, аскетика, монашеское духовенство, эгизм, старчество, христианская семья, церковная организация, соборность

С.В. Пишун

Ли Пин

Sergey V. Pishun¹, Li Ping²

¹ Far Eastern Federal University; ² Hulunbuir University
¹ F 602, level 6, building F, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia
² 83 Genghis Khan Road, Hailar, 021008, China
¹ pishoons@mail.ru; ² najiali@qq.com

The Cult of Asceticism and Apology of Monasticism as the Core of the Philosophy of Christian History of K.N. Leontiev

Abstract. The authors of the article substantiate the idea that the ideal of ecclesiasticism, monasticism and spiritual eldership was the most important in the whole philosophy of K.N. Leontiev. Not the priesthood as a whole, but the monastic clergy forms an integral attribute of Orthodoxy, but Leontiev was skeptical about the white clergy. He made a proposal for the church of the “cathedral-patriarchal structure”, i.e. to strengthen the centralization of church institutions with the simultaneous introduction of cathedral principles. His entire philosophy of Christian history is built on the elevation of the role of ascetic practice and spiritual experience. Leontiev attached particular importance to spiritual eldership, the essence of which was spiritual mentoring on the part of true believers and monks with life experience.

Key words: aestheticism, pessimistic worldview, ascetics, monastic clergy, statism, spiritual eldership, Christian family, church organization, conciliarity

Талантливый философ, получивший от младших современников прозвище «русский Ницше», Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) известен своим «эстетическим пониманием» всего уклада жизни, включая исторические и социальные процессы. Как отмечал В.В. Розанов, «Леонтьев поклонился силе и красоте жизни, выразительности и мощи исторических линий как новому “богу”» [Розанов, РГА-ЛИ. Ф. 290]. Современные исследователи творческого наследия К.Н. Леонтьева рассматривают его либо как «философа-пророка» [Корольков, 1991, 12–19], «философа-охранителя» и «эстета» одновременно [Ермаков, 2001, 286–288], либо как сочетаю-

щего в себе эстетизм, натурализм и религиозную метафизику [Нижников, Гребешев, 2016, 161] или как «неославянофила», иначе, чем «старшие славянофилы», видевшего место таких явлений, как внешнее принуждение, социальные контрасты [Емельянов, 2014, 145].

Вместе с тем, взгляд на Леонтьева исключительно как на философа и художника-эстета, прославляющего «витальную красоту», был бы слишком узким – в том смысле, что он встраивал описанную мировоззренческую позицию в собственное ощущение присутствия Бога, его религиозное сознание вмещало в себя любовь к жизненным стихиям и естественной красоте и страсть к истинной и строгой воцерковлённости, желанию быть «около церковных стен». В данном контексте Леонтьев стремился сформулировать собственные философские принципы и подходы к пониманию существа религиозной жизни. Он, как и старшие славянофилы (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский), прекрасно осознавал, что вопросы аскетики и «праведной жизни», которые являются важнейшими в православной философии, связаны в первую очередь с опытом монашества. Симпатии Леонтьева всегда склонялись к представителю чёрного, монашествующего духовенства. Он считал, что белое, женатое духовенство всё «заражено» страстью к протесту, который, как он полагал, ведёт в конечном итоге к «протестантству» [Леонтьев, 1912г, 556], которое Леонтьев не просто не считал церковью, а называл отрицанием всякой религиозности. В факте наличия в традиции восточного христианства белого духовенства философ видел общую слабость православной церкви, так как, по его мнению, «женатое духовенство, как бы ни были достойны его отдельные представители, в своей массе является несколько осуетившимся, недостаточно идеально настроенным» [Леонтьев, 1912д, 144].

Впрочем, сам К.Н. Леонтьев вовсе не призывает устранить женатое духовенство из церкви, он считает, что нужно считаться с существующим положением вещей, поэтому духовенству нужно повиноваться, его слушаться и у него учиться. Оно, хотя бывает часто недостаточно образованным и воспитанным, рассуждает философ, тем не менее, имеет важное преимущество, заключающееся в знании Священного Писания и учения церкви, т.е. всего того, чего всегда не хватало нашему обществу [Леонтьев, 1912д, 208]. В этой покорности духовенству как раз проявляется христианское смирение и сильная и глубокая вера. Любовь паствы к церкви должна выражаться, как считает Леонтьев, в возвышении статуса священнослужителей, наделении их определёнными привилегиями [Леонтьев, 1912в, 202].

Но это возможно, полагает философ, только в случае выполнения самим духовенством своих обязанностей, среди которых важнейшей является чуткое отношение к запросам прихожан, не уступать последним в уровне культурного и интеллектуального развития. К.Н. Леонтьев писал, что иерархия православная должна стоять «в уровень века не только по учёности, но и по воспитанию и по всему» [Из писем, 1911]. Но сам философ считал, что, как бы ни были представители белого духовенства достойны, они по причине своей близости к миру и причастности к житейским отношениям, скорее могут вступить в компромисс со своей совестью, чем монашествующие. Поэтому, резюмирует Леонтьев, необходимо желать усиления влияния и власти именно чёрного духовенства, а не стремиться к таким реформаторским проектам, которые превратят православную церковь в некое подобие протестантства во главе с неженатыми архиереями. Такие проекты, по мнению мыслителя, должны встретить самый решительный отпор, он находит их «более опасными, чем всякое скопчество и всякая хлыстовщина» [Леонтьев, 1912б, 394]. Леонтьев делает далеко идущий вывод о том, что в женатых священниках нет особой потребности как для спасения души каждого отдельного верующего, так и для прочности и устойчивости церковной и государственной организации. Что касается государства, полагает Леонтьев, «при слабости белого духовенства и при силе чёрного оно было и будет крепче, кафоличнее, так сказать» [Леонтьев, 1912б, 394]. Из всего этого следует мысль о том, что забота о спасении каждого отдельного верующего, всей церкви и государства требует подчинения белого духовенства чёрному, с полным сосредоточением духовной власти в руках монашествующих.

К.Н. Леонтьев высказал пожелание о необходимости значительно большей централизации православной церкви, хотя он отвергал католическую модель всевла-

ствия папы («папоцезаризм»). Одновременно русский философ отстаивал необходимость внедрения соборных начал, когда писал, что будущее устройство православной церкви «должно отличаться большим соборным духом, наличием соборных начал» [Из писем, 1911]. Нормальный церковный порядок русскому мыслителю виделся в небывалом прежде соборно-патриаршем устройстве. Такая централизованная в своём внутреннем устройстве церковь должна пользоваться свободой и независимостью со стороны государства. Эта независимость будет всем на пользу – и государству, и самой церкви, резюмирует Леонтьев. Будучи сильной и смелой, в лице своего духовенства она может оказать значительные услуги государству в деле его обустройства, может даже спасти его в момент серьёзного кризиса «от каких-нибудь анафемских новых либеральностей» [Леонтьев, Письма, 1896, 449].

Таким образом, для усиления авторитета церкви и укрепления её внутренней организации необходимо, как полагает К.Н. Леонтьев, поддержка роста влияния монашеского клира. При этом монашество есть институт, который существует не только в православии, но и в католицизме. Необходимость и целесообразность этого учреждения следует из общехристианского взгляда на условия земной жизни и загробного блаженства. Земля есть в этой трактовке зло, участь человека на ней сводится к страданию и горести. Человеческая природа греховна, для достижения нравственного совершенства человеку необходимо бороться со своими страстями и порочными влечениями. Монашество, как считает религиозный мыслитель, и есть наилучшее средство такой борьбы. Но при этом монах не имеет каких-то глобальных отличий от духовной практики простого христианина, т.к. и на последнего возложена обязанность самонаблюдения, самоконтроля и нравственного совершенствования. «Аскет» в переводе с греческого означает «борющийся», впрочем, христианин-мирянин тоже должен бороться со страстями и ограничивать себя. Как подчёркивал Леонтьев, всё христианство проникнуто отречением в силу надежды на вечное блаженство: «Христианство далеко от учения земных удобств и земного благоденствия. В основе оно есть безустанное понуждение о Христе» [Леонтьев, 1879а, 28], есть «религия самобичевания» [Леонтьев, 1913, 134].

Следовательно, указывает К.Н. Леонтьев, монах есть по существу своему тот же православный христианин, поставленный только в особо благоприятные условия для осуществления личного спасения, а христианин, живущий в миру, тоже есть аскет, только лишь пользующийся большей свободой и видимым, внешним образом не выделяющийся из ряда других мирских людей. При всём внешнем различии догматические основы веры у них общие, как тождественны их нравственная философия, высший идеал жизни и деятельности. Часто жизнь мирянина бывает ещё более сложной, чем жизнь монаха. Мирские обстоятельства налагают на него большие обязанности и в этих условиях сохранить верность христианскому долгу бывает очень трудно [см.: Леонтьев, 1913, 136]. Бывают и такие случаи, когда, как пишет Леонтьев, человек испытывает страшные мучения и выход из всего этого требует больших жертв и ограничений [Из писем, 1911. № 9]. Кроме того, для обычного мирянина несущественные, с монашеской точки зрения, ограничения могут быть очень тягостными, и поэтому они являются ценными и могут быть поставлены этому мирянину в несомненную заслугу. В указанном контексте какого-то общего критерия быть не может, необходимо в каждом конкретном случае учитывать индивидуальность человека, включая его положение в обществе, состояние его здоровья, психические особенности и т.п. [Леонтьев, 1913, 136].

Таким образом, пишет Леонтьев, «разница между самоограничивающим и понуждающим себя о Христе мирянином и монахом только количественная, а не качественная, существенная. У хорошего монаха те же краски гуще, черты выразительнее, та же сущность, но более освобождённая от всяких мирских украшений и тягостей» [Леонтьев, 1879а, 36–37]. Поэтому монаха не надо представлять себе каким-то исключительным, необыкновенным человеком. Монастыри – не «ад», как считают одни, и не «рай земного спокойствия», как полагают другие. Это есть особый род человеческого общежития со своими специфическими правилами. Для достижения спасения здесь, как отмечает Леонтьев, человек сознательно и добровольно принимает на себя особые подвиги, стеснения и ограничения [Леонтьев, 1913,

452]. Все они не являются необходимостью и не могут быть обязательными для каждого христианина. Монашество нельзя считать христианской заповедью и потому принятие его не является грехом и не должно наказываться церковью. Но, отмечает русский религиозный философ, в христианском мире встречаются исключительные натуры, «великие и знатные люди, по выражению аввы Доротея, которые не довольствуются исполнением общеобязательных узаконений и предписаний Церкви» [Леонтьев, 1879а, 28]. Они не ограничиваются простым исполнением предписаний, а хотят дать Богу «особые дары», а именно – девство и нестяжание, как главные обеты монашества [см.: Леонтьев, 1879а, 28].

Причины принятия обета монашества, как пишет Леонтьев, бывают разные – сильные религиозные чувства, жажда загробного блаженства, страх вечных мучений, пессимистический взгляд на земную жизнь, трудности семейной жизни и жизни мирянина и др. [Леонтьев, 1879а, 26]. Но, приняв на себя монашеский обет, христианин должен быть на высоте своего призвания, должен считаться с тем, что к нему будут предъявлены строгие требования, несравненно большие, чем к мирянину. К.Н. Леонтьев особо подчёркивал, что подвиг монаха является очень тяжёлым и трудным: «Настоящее монашество – это добровольное хроническое мученичество во славу Божию» [Леонтьев, 1912а, 335], потому что «нудящие себя только восхищают Царство Небесное» [Леонтьев, 1879а, 24].

Леонтьев развивает собственную трактовку философии истории христианства, ставя в центр всей этой историософской конструкции духовный опыт и аскетическую практику. Он напоминает, что монашество появилось в истории христианства не сразу, до IV века до н.э. основным средством доказать свою веру в Христа было мученичество в эпоху гонений на христиан. После провозглашения христианства дозволенной религией мученичество было заменено монашеством, «добровольным, свободным отречением от соблазнов, от роскоши, даже от самых невинных, допущенных законом, – радостей семейной жизни» [Леонтьев, 1879а, 29]. Ближайшим и всегдашним стремлением всякого искреннего и честного монаха является, по словам К.Н. Леонтьева, – «без греха в этот день сохраниться» [Леонтьев, 1879а, 56], идеалом же всей его деятельности – «это приблизительная бесплотность на земле» [Леонтьев, 1913, 137], или «бесстрастие – вот идеал» [Леонтьев, 1913, 137]. С целью достигнуть этой высокой цели монаху придётся отказаться от всех мирских обязанностей и греховных склонностей и все свои силы посвятить созиданию в себе «нового человека». В приоритете у монаха находятся заботы о том, чтобы освободить свой внутренний мир от всякой страсти и греховности. Поэтому он должен быть очень внимателен к себе, обязан контролировать и анализировать все свои мысли и движения воли. Опытный монах, имеющий достаточный опыт духовной борьбы, часто видит такие греховные свойства человеческой души, которые в обычной, повседневной жизни могут просто не фиксироваться или признаваться в качестве «мелочей», не заслуживающих серьёзного внимания. Между тем, полагает Леонтьев, в аскетической практике мелочей быть не может. Русский религиозный философ прямо писал о том, что «согласно законам психологии» именно со слабыми, начальными проявлениями греховных влечений и нужно бороться. Пока они ещё слабы, не укоренились в душе человека, борьба с ними не так трудна и затратна и есть больше вероятности успеха. Предоставленные же своему естественному росту, они, с одной стороны, сами могут превратиться в страсти, а с другой – вызовут появление других греховных страстей и желаний. И тогда, указывает Леонтьев, «борьба станет очень трудной, даже иногда непосильной» [Леонтьев, 1879а, 56–57].

Русский философ указывает, что в процессе подавления греховных влечений и нравственного совершенствования монаха на каждом шагу ждут искушения и даже всякая приобретённая добродетель при определённой невнимательности и духовной беспечности может выродиться в свою противоположность и вызвать «возвращение» греховных свойств нашей природы. Так, стремление к святости может вызвать внутреннюю гордость, а излишнее смирение способно превратиться в лицемерие, или, по крайней мере, подать повод другим людям предполагать этот порок. Собственная слабость может вызвать зависть к своему ближнему, в чём-то более успешному. Тем самым, отмечает Леонтьев, во всём и везде инока ожидает

нравственная борьба. Кроме того, к этим усилиям по внутреннему нравственному совершенствованию нужно прибавить ещё и внешние ограничения и стеснения, причём часто очень значительные. Как отмечает Леонтьев, строгости монастырской жизни бывают столь велики, что «непривычному человеку страшно немного смотреть на эту нескончаемую службу в храмах, на эти бессонные ночи и на полное воздержание от пищи и питья в иные дни» [Леонтьев, 1913, 453].

Подобные черты жизни монаха дают её особый драматизм и даже поэтичность. В процессе этой аскетической практики монах находит себе утешение. Его духовные силы со временем закаляются, вырабатывается особая нравственная выдержка, потребности упрощаются и появляется способность во всём находить утешение, всем быть довольным. В этой связи, как замечает К.Н. Леонтьев, самые незначительные жизненные удобства, самые невинные удовольствия могут его радовать, приводить в восхищение [см.: Леонтьев, 1879б, 532–533].

Но главное утешение монаха духовного свойства, как считает Леонтьев, это радость по поводу победы над внутренними страстями, «сладость покаяния и слёз» и предвкушение блаженства от предвидения будущего спасения. Все эти чувства являются или наградой за подвиг – или поддержкой слабого и колеблющегося. Причём эта награда, подчёркивает русский мыслитель, не от нас, она посылается Совершенным Существом. Он пишет, что в аскетизме «всё приятное и утешительное не от нас, а от Бога; он нас всё принудительное, самоограничивающее» [Леонтьев, 1912а, 335]. В этой постоянной борьбе далеко не каждый может устоять на необходимой высоте, часто бывают отклонения от истинного пути, случаются ошибки, допускаются погрешности. Как ни стараются монахи подавить в себе греховные наклонности, но это не всегда удаётся – и некоторые из иноков просто «капитулируют», будучи побеждёнными в этой борьбе. Недостойные представители монашества были всегда, что не удивительно, учитывая, что они – прежде всего люди со своей изначальной греховной природой. В этом смысле нельзя от всех требовать одинаковой степени нравственного совершенства. По образному высказыванию Леонтьева, «монашество есть какое-то самоваяние по определённом образцу, при помощи Божией и при руководстве наставников» [Леонтьев, 1889]. Люди, ставшие монахами, разные, поэтому результат духовной работы тоже разный, убеждён русский философ. В данном контексте различием индивидуальностей можно объяснить различную степень совершенствования монахов, а греховность человеческой природы способствует возникновению нарушений монашеской жизни.

К.Н. Леонтьев со всей серьёзностью относится к этим нарушениям и anomalies и прямо соглашается с тем, что в настоящее время институт монашества переживает глубокий кризис и не может похвалиться особыми добродетелями и духовными подвигами своих членов. Философ пишет следующее: «Общие взгляды у большинства монахов узки, формы грубы, дух управления и отношения к мирянам слишком уж хозяйственный» [Леонтьев, 1912г, 389–390]. Наличие несовершенных монахов сам Леонтьев признаёт не только неизбежным, но даже необходимым для высших усилий монашества. Он указывает, что без отклонения от идеала, без греховных аномалий в жизни не могли бы в монастырях появиться святые люди, великие подвижники и старцы [Леонтьев, 1912г, 389]. Незначительные по своим последствиям поступки, греховные слабости вполне ожидаемы со стороны несовершенных людей и извинительны для большинства средних монахов. Но в любом случае от всех них требуется верность догматическому учению церкви, признание святости и преданности тому институту, которому они служат. Кроме того, средний уровень монашества не так легко достижим, как обычно считается и при таком своём состоянии оно, как считает Леонтьев, является очень полезным элементом в церкви, оказывая благотворное влияние на общество в целом, потому что «сущность аскетизма не столько в достижении явном, сколько в ежеминутной, часто никому не ведомой борьбе» [Леонтьев, 1879б, 530].

Таким образом, Леонтьев вовсе не отрицает того, что монахи могут быть грубыми и порочными, иногда в истории церкви были случаи, когда монашество падало и вырождалось. Философ считает, что в этих печальных случаях виновата общая слабость человеческой природы. Кроме того, часть вины Леонтьев возлагает

на светское, мирское общество, которое, как он сетует, не направляет в монашеские обители лучших своих представителей [Леонтьев, 1913, 454]. Но при этом аскетический идеал всегда, в самые неблагоприятные времена для монашества, остаётся актуальным, неизменяемым и привлекательным. Он, по Леонтьеву, есть «путеводная звезда» [Леонтьев, 1913, 455], свет, который освещает мрак настоящей жизни и согревает людей в нелёгкие времена их жизни. Впрочем, замечает философ в одном из своих писем В.В. Розанову, если церковь вечна, то вечен и институт монашества, который «до светопреставления, до антихриста устоит» [Розанов, 1903, 639]. Ссылка на первые века христианства в подтверждение мысли о случайности, несущественности монашества по сравнению с христианским учением в целом не может считаться убедительной, потому что то было исключительное время, когда «церковь жила и без правильной церковной службы, без определённой литургии, без окончательно утверждённого учения о таинствах, без ясно разработанного догмата» [Леонтьев, 1879а, 30]. Нельзя же считать, восклицает Леонтьев, монашество явлением позднейшим, ненужным наследием, без которого церковь способна была бы жить правильной, нормальной жизнью.

Таким образом, К.Н. Леонтьев признаёт монашество существенным и необходимым элементом в сложной системе церковных институций. Элемент этот для Леонтьева столь важен, что он признаёт незаконченным религиозное воспитание того человека, который не знает, не изучал монашества, не искал общения с настоящими духовными подвижниками [см.: Леонтьев, 1912г, 310]. В монастырях, считает русский мыслитель, такой человек прежде всего усвоил бы правильный взгляд на земную жизнь и на её отношение к жизни небесной. Здесь либералы-интеллигенты могли бы отучиться от столь широко распространённой веры в «эгалитарный прогресс», от надежд на земное счастье и всеобщее благоденствие. Леонтьев подмечает, что монахи в большинстве своём пессимисты относительно земной жизни [см.: Леонтьев, 1912г, 109], обычно они учат и советуют «прежде всего себе внимать, о своём загробном спасении заботиться, а “всё остальное приложится”» [Леонтьев, 1912г, 383]. Такое учение является противоположностью современному мирозерцанию, и распространение его должно быть поставлено в особую заслугу монашеству. Вообще, считает Леонтьев, при современной антирелигиозной направленности философской мысли и науки в целом монастыри являются хранителями христианской веры, оплотом православной догматики. Они есть, как пишет мыслитель, «лучшие склады преданий и обычаев церковных» [Леонтьев, 1913, 451], «спасительные хранилища христианских преданий» [Леонтьев, 1913, 454].

Но К.Н. Леонтьев видел ценность монашества не только в контексте его «латентного этатизма». Необходимость поддержки интересов монашества становится очевидной и с позиции мирских интересов, если рассмотреть вопрос о его значении для **христианской семьи**. На первый взгляд, идея монашества представляет собой прямую противоположность, даже отрицание идеи семьи (как впоследствии отмечал В.В. Розанов в своих сочинениях «Тёмный лик. Метафизика христианства» и «Люди лунного света»). На самом деле, полагал К.Н. Леонтьев, это далеко не так. Брак, напоминает Леонтьев, основывается на самоотречении и взаимном ограничении супругов. Получается, что брак есть лишь «смягчённое монашество», «иночество вдвоём», или «с детьми учениками» [Леонтьев, 1913, 461]. Если рассматривать семью вне религиозной мистики, то брак станет прозаической и скучной сделкой, которая заключается по взаимному согласию, но может быть по желанию супругов и расторгнута. Леонтьев считает, что только церковный, религией освящённый брак может быть осмысленным и прочным институтом. В религиозном контексте смягчаются горести и несчастья семейной жизни, обыденность окрашивается особой поэзией и получает большую прелесть и привлекательность [см.: Леонтьев, 1912г, 406–408; Леонтьев, 1913, 461–463].

К.Н. Леонтьев считает, что семья нуждается в церкви и религиозной мистике. Он указывает, что «для сохранения основных начал этой мистики, для накопления её объединяющих преданий необходимы монастыри. Их влияние на семейную жизнь, прямое и косвенное, незаменимо ничем – никакой иной педагогикой, никакой своеобразно-мягкой моралью» [Леонтьев, 1912г, 409]. Следовательно, полагает

русский религиозный философ, кто заботится о процветании семьи и семейных добродетелях, тот должен высоко ценить монашество как социальный и церковный институт. В монашестве полезны не только высокие образцы аскетизма и святости, но и обычный уклад монашеской жизни, поддерживаемый рядовыми иноками. Хотя высшие примеры «уединённого аскетизма» производят более сильное впечатление на мирян и более для них «поучительны», но аскеты, прежде чем уйти в уединение, проходили общее иноческое проживание в каком-либо монастыре. Как раз здесь, в кругу других монахов, они положили начало тем высоким добродетелям, которые проявляли впоследствии и которые стали так известны в миру. Как замечает Леонтьев, монастырь был для них хорошей подготовительной школой, выработавшей у них соответствующие навыки и привычки [Леонтьев, 1912г, 409]. Кроме того, и во время своего одиночества, жизни в пустыни, аскет всё равно нуждается в монастыре. Во всяком случае, именно в монастырь он приходит, чтобы принять участие в общественном богослужении и святых таинствах, монахи иногда также заботятся о его материальных нуждах и потребностях. В монастыре останавливаются все те, кто ищет совета и указаний у старца-аскета. В этой связи Леонтьев пишет о том, что монастырь есть «необходимое посредствующее звено между уединённой хижинной отшельника и шумной жизнью мирского человека» [Леонтьев, 1879б, 531]. Леонтьев полагает, что пребывание в хорошо обустроенной монастырской обители бывает очень полезным для светских мирских людей. Здесь они могут познакомиться с «поэзией православного богослужения» и «философией православной догматики», а также увидеть в повседневности, как может реализовать себя христианское учение на практике. Леонтьев считает, что христианские принципы могут действовать очень сильно на человека, если они не просто декларируются, а воплощены в реальной жизни. Как указывает философ, монастырь есть школа, в которой христианским добродетелям и христианской философии вполне могут учиться и взрослые люди [см.: Леонтьев, 1879б, 527].

Леонтьев отмечает, что при подобных посещениях монастырей светскими людьми весьма желательно наличие среди монахов интеллигентных лиц. Интеллигентный монах будет импонировать даже простым людям, не говоря уже о представителях образованного класса. Он самим фактом своего существования будет убеждать других людей, что «монашество есть высокое достояние и святое учреждение», перед которым склоняются и которому подчиняются как люди материально обеспеченные, так и учёные, с высоким уровнем интеллекта. Других же людей, надеется Леонтьев, интеллигентный инок убедит в том, что монашество нельзя назвать пережитком прошлого или порождением невежества, что в своих установках оно рассчитано не только на массу простого народа, а его требования могут быть осуществлены каждым человеком, невзирая ни на какую степень его культурности [см.: Леонтьев, 1879б, 529–530]. Русский философ замечает: «Больше веришь в святость, больше понимаешь героизм аскетический, когда видишь в святом такого же сложного, многострастного человека» [Леонтьев, 1879а, 49]. Что же касается каждого в отдельности монаха, замечает Леонтьев, то интеллигентность в данном случае имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Развитый интеллект включает самоанализ и самоконтроль, что весьма желательно для любого инока. Но, с другой стороны, интеллигент приобрёл в миру массу привычек и склонностей, зачастую совсем не известных простому человеку, борьба с которыми представлялась философу весьма трудной и отнимающей много сил [см.: Леонтьев, 1879б, 54].

Таким образом, Леонтьев настаивает, что для укрепления государства и процветания семейных ценностей нужна церковь. Церковь, в свою очередь, нуждается в высшем проявлении своего учения, чем и являються подвиги аскетов. Последние, собственно, могут существовать лишь при наличии монастырей. Для правильной жизни этих своеобразных коммунистических общин необходимы исполнители самых разнообразных работ, часто невысокого и недуховного характера. Но, как считает Леонтьев, это не должно смущать иноков. Каждый из них, по мнению философа, своей повседневной (даже незначительной) деятельностью служит великой идее и поддерживает великое учреждение – и в этом успокоение и утешение иноков и основание для уважения и признательности к ним со стороны мирян [см.: Леонтьев, 1913, 461].

Монашество, согласно Леонтьеву, завершается институтом **старчества**. Философ указывает, что «старец у нас есть именно то, что у католиков называется *digesteur de conscience*» [Леонтьев, 1879а, 31], «это лицо, которому поручают себя люди, миряне точно так же, как и монахи, ищущие спасения и сознающие свою немощь» [Леонтьев, 1891, 305]. Старец прямо указывает, что нужно делать в данную минуту при данных условиях. Советы и указания старца бывают столь убедительны, что по одному его слову решаются важные вопросы жизни и деятельности [см.: Леонтьев, 1879б, 528]. Но при этом обязательной силы советы старца не имеют. Открытие ему своих помыслов не является исповедью и не сопровождается разрешительными действиями таинства. Более того, считает Леонтьев, соединение высокого звания старца и трудными и хлопотными обязанностями настоятеля представляется не только неудобным и нежелательным, но даже и невозможным [см.: Леонтьев, 1879а, 39].

Леонтьев особо подчёркивает, что старец не является безгрешным лицом, и в своих советах и наставлениях вполне может ошибаться [там же, 35]. Его душе тоже знакомо столкновение различных побуждений и состояние духовного тупика и нерешительности. Скорбь свою он может поверять духовнику и в исповеди искать утешения и облегчения. Но при этом в общении со своими духовными подопечными старец должен быть спокоен, твёрд и решителен [см.: Леонтьев, 1879б, 545].

Со стороны людей, ищущих совета у старцев, необходимо доверие к личности старца, полное и беспрекословное подчинение его авторитету и указаниям. В Оптиной пустыни, например, при жизни отца Леонида «без совета и благословения старца ничего важного не делалось» [Леонтьев, 1879а, 39]. Отец Климент Зедергольм, идеальный монах в представлении Леонтьева, без благословения старца не смел прогуляться в лесу или прокатиться в тележке, не дерзал даже прочитать лишнюю молитву [см.: Леонтьев, 1879а, 50]. Указания и советы старших не должны вообще подвергаться обсуждению, тем более – критике, а должны приниматься к беспрекословному и точному исполнению. Если старец благословил, пишет Леонтьев, этим всё сказано, пусть даже с нашей обыденной, житейской точки зрения это кажется неверным или странным. Кажущееся худшим, но соответствующее совету старца, должно быть предпочтительно лучшему, но относящемуся к нашему собственному выбору. Этому правила Леонтьев и держался в конце своей собственной жизни. В определённый момент отец Амвросий запретил Леонтьеву писать для журналов и газет, что привело к материальным трудностям последнего, учитывая, что литературная и публицистическая деятельность была основным источником его существования. Но, несмотря на опасность материальных лишений, Леонтьев последовал совету старца, размышляя следующим образом: «старец благословил, будет невыгодно и тяжело зимою, значит – нужно это испытание, обойдётся всё хорошо, тем лучше» [Розанов, 1903, 171].

Психолого-антропологическим объяснением такого абсолютного подчинения и апологии института старчества является, как писал К.Н. Леонтьев, несовершенство человеческой природы и характерные для человека душевные противоречия. Леонтьев иллюстрирует это тем фактом, что в жизни человека случаются моменты, когда он сам не может разобраться в собственном настроении, не знает, что делать и как жить. Исповедь и отпущение грехов никак не успокаивают мятущуюся душу. Человек, как отмечает Леонтьев, по своей натуре эгоист, он часто даже сам перед собою не может открыть истинных побуждений для своих поступков и помыслов. Поэтому ему на свою совесть полагаться нельзя. В таких случаях полезны, даже необходимы бывают указания людей, чуждых житейских волнений, удалившихся от мира, но в то же время духовно опытных и проницательных. Они могут развеять сомнения, успокоить и ободрить человека, вывести его из затруднительного положения [см.: Леонтьев, 1879а, 34–35; Леонтьев, 1879б, 50–51]. К.Н. Леонтьев писал следующее: «К старцам, как к вдохновенным руководителям, обращаются верующие люди в трудных положениях, в скорбях, в часы, когда не знают, что делать, и просят указания, «скажи мне путь» [Леонтьев, 1891].

Таким образом, религиозно-философские взгляды К.Н. Леонтьева вытекают из его пессимистического мирозерцания. Земная жизнь, по мнению русско-го религиозного мыслителя, есть зло, судьба человека в его земном существовании

всегда связана с горестями и страданиями. Как он считает, утешение и ободрение человек может находить в религиозной вере и жизни, основой которой служит (в религиозно-философской концепции Леонтьева) страх, а не любовь. Руководителем религиозной жизни и посредником между верующими и Совершенным Существом может служить только церковь в лице своего духовенства. Интересы церкви требуют большей централизации власти внутри неё самой, сосредоточия её в руках чёрного, монашествующего духовенства. По мнению К.Н. Леонтьева, монашество есть крайнее выражение христианского пессимизма и состоит в добровольном отречении от благ и удобств жизни и принятием на себя определённых ограничений. Монашество рекомендуется церковью, но не вменяется в обязанность и в этом, как считает Леонтьев, его специфика. Высшим воплощением самого монашества является старчество, суть которого состоит в духовном подчинении духовных детей избранному ими руководителю. Для К.Н. Леонтьева феномен старчества должен обязательно сохраниться в русской духовной жизни и задача философии – подвергнуть его глубокому и серьёзному осмыслению.

Библиографический список

1. Емельянов, Б.В. Персонология русской мысли / Б.В. Емельянов. – Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского ун-та, 2014. – 391 с.
2. Ермаков, В.А. Диалектика «Охранения» культуры, общества и государства в философии К.Н. Леонтьева / В.А. Ермаков // Историко-философский ежегодник-99. – М.: Наука, 2001. – С. 286–311.
3. Из писем К. Леонтьева // Московские ведомости. – 1911. – № 9.
4. Козырев, А.П. Владимир Соловьёв и Константин Леонтьев: диалог в поисках «Русской звезды» / А.П. Козырев // Начала. – 1992. – № 2. – С. 63–73.
5. Корольков, А.А. Пророчества Константина Леонтьева / А.А. Корольков. – СПб., 1991. – 197 с.
6. Леонтьев, К.Н. Майноские старoverы / К.Н. Леонтьев // СПб ведомости. – 1884. – № 260.
7. К. Леонтьев о византийской культуре // Церковный вестник. – 1913. – № 26. – С. 799.
8. Леонтьев, К.Н. Воспоминания об архимандрите Макарии / К.Н. Леонтьев // Гражданин. – 1889. – № 192.
9. Леонтьев, К.Н. Оптинский старец Амвросий / К.Н. Леонтьев // Гражданин. – 1891. – № 305.
10. Леонтьев К.Н. Отец Климент Зедергольм / К.Н. Леонтьев // Русский вестник. – 1879. – № 11.
11. Леонтьев, К.Н. Отец Климент Зедергольм / К.Н. Леонтьев // Русский вестник. – 1879. – № 12.
12. Леонтьев, К.Н. Отшельничество, монастырь и мир / К.Н. Леонтьев // Христианин. – 1913. – № 11. – С. 461–463.
13. Леонтьев, К.Н. Письма к К.А. Губастову / К.Н. Леонтьев // Русское обозрение. – 1896. – № 11. – С. 449.
14. Леонтьев, К.Н. Собрание сочинений / К.Н. Леонтьев. – М.: Типография В.М. Саблина, 1912. – Т. 2. – 438 с.
15. Леонтьев, К.Н. Собрание сочинений / К.Н. Леонтьев. – М.: Типография В.М. Саблина, 1912. – Т. 5. – 468 с.
16. Леонтьев, К.Н. Собрание сочинений / К.Н. Леонтьев. – М.: Типография В.М. Саблина, 1912. – Т. 6. – 359 с.
17. Леонтьев, К.Н. Собрание сочинений / К.Н. Леонтьев. – М.: Типография В.М. Саблина, 1912. – Т. 7. – 567 с.
18. Леонтьев, К.Н. Собрание сочинений / К.Н. Леонтьев. – М.: Типография В.М. Саблина, 1912. – Т. 8. – 357 с.
19. Рецензия на вышедшую книгу К. Леонтьев. Из жизни христиан в Турции. Повести и рассказы. Собр. Соч. Т. 2 и 3. М., 1912 // Церковный вестник. – 1913. – № 9. – С. 282.
20. Маслин, М.А. Разноликость и единство русской философии / М.А. Маслин. – СПб.: изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2017. – С. 216.
21. Нижников, С.А., Гребешев И.В. Генезис и развитие метафизической мысли в России / С.А. Нижников. – М.: Русуниверс, 2016. – 504 с.
22. Розанов, В.В. Из переписки К.Н. Леонтьева / В.В. Розанов // Русский вестник. – 1903. – № 4.
23. Розанов, В.В. Статьи и заметки / В.В. Розанов // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 290. Оп. 1. Е. х. 88.

Текст поступил в редакцию 22.03.2023.

Принят к печати 22.05.2023.

Опубликован 28.09.2023.

References

1. Emelyanov B.V. *Personologiya russkoy mysli* [Personology of Russian thought]. Nizhnevartovsk: Publishing House of Nizhnevartovsk University, 2014, 391 p. (In Russian).
2. Ermakov V.A. *Istoriko-filosofsky ezhegodnik-99* [Historical and philosophical yearbook-99]. Moscow: Nauka, 2001, pp. 286–311 (in Russian).
3. Korolkov A.A. *Prorochestva Konstantina Leontieva* [Prophecies of Konstantin Leontiev]. St. Petersburg, 1991, p. 197 (in Russian).
4. Kozyrev A.P. *Nachala* [Beginnings]. 1992, no. 2, pp. 63–73 (in Russian).
5. Leontiev K.N. *Grazhdanin* [Citizen]. 1889, no. 192 (in Russian).
6. Leontiev K.N. *Grazhdanin* [Citizen]. 1891, no. 305 (in Russian).
7. Leontiev K.N. *Khristianin* [Christian]. 1913, no. 11, pp. 461–463 (in Russian).
8. Leontiev K.N. *Russkoe obozrenie* [Russian Review]. 1896, no. 11, 449 p. (In Russian).
9. Leontiev K.N. *Russky vestnik* [Russian Herald]. 1879, no. 11 (in Russian).
10. Leontiev K.N. *Russky vestnik* [Russian Herald]. 1879, no. 12 (in Russian).
11. Leontiev K.N. *Sobranie sochineniy. Tom 2* [Collected works. Vol. 2]. Moscow: V.M. Sablin Publ., 438 p. (in Russian).
12. Leontiev K.N. *Sobranie sochineniy. Tom 5* [Collected works. Vol. 5]. Moscow: V.M. Sablin Publ., 1912, 468 p. (in Russian).
13. Leontiev K.N. *Sobranie sochineniy. Tom 6* [Collected works. Vol. 6]. Moscow: V.M. Sablin Publ., 1912, 359 p. (in Russian).
14. Leontiev K.N. *Sobranie sochineniy. Tom 7* [Collected works. Vol. 7]. Moscow: V.M. Sablin Publ., 1912, 567 p. (in Russian).
15. Leontiev K.N. *Sobranie sochineniy. Tom 8* [Collected works. Vol. 8]. Moscow: V.M. Sablin Publ., 1912, 357 p. (in Russian).
16. Leontiev K.N. *SPb vedomosti* [St. Petersburg News]. 1884, no. 260 (in Russian).
17. Maslin M.A. *Raznolikost i edinstvo russkoy filosofii* [Diversity and unity of Russian philosophy]. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy, 2017, 216 p. (in Russian).
18. *Moskovskie Vedomosti* [Moscow News]. 1911, no. 9 (in Russian).
19. Nizhnikov S.A., Grebeshev I.V. *Genezis i razvitie metafizicheskoy mysli v Rossii* [Genesis and the development of metaphysical thought in Russia]. Moscow: Rusunivers, 2016, 504 p. (in Russian).
20. Rozanov V.V. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Art] (RGALI). Fund 290. Inventory 1. File 88 (in Russian).
21. Rozanov V.V. *Russky vestnik* [Russian Herald]. 1903, no. 4 (in Russian).
22. *Tserkovny vestnik* [Church Bulletin]. 1913, no. 26, p. 799 (in Russian).
23. *Tserkovny vestnik* [Church Bulletin]. 1913, no. 9, 282 p. (in Russian).

Submitted for publication: March 22, 2023.

Accepted for publication: May 22, 2023.

Published: September 28, 2023.